

A close-up photograph of three orange, round buttons with two holes each, arranged vertically on a grey, textured fabric. The buttons are slightly out of focus, and the fabric has a distinct woven pattern. In the top right corner, there is a small circular icon with the text '16+' inside.

16+

Марина Андросова

Продавец пуговиц

Марина Андросова

Продавец пуговиц

«Автор»

2017

Андросова М. Н.

Продавец пуговиц / М. Н. Андросова — «Автор», 2017

Никто толком не знает, что он задумал, никому и не интересно, чем он занимается уже несколько лет в одной из комнат однокомнатной квартиры. А между тем, вся жизнь продавца пуговиц странным образом оказывает влияние на еще незнакомых ему людей и даже животных, сплетая их судьбы вместе. И можно свалить вину за беды, с которыми столкнулись герои, на гнома из деревянной шкатулки, но гном никогда ничего не делал сам по себе. Он лишь совсем немного, как умеет, помогает человеку, влюбленному в пуговицы, а может помешенному на них, создать свой шедевр.

© Андросова М. Н., 2017

© Автор, 2017

На книжной полке расположился в удобном для обзора месте забавный сувенир, привезенный из-за границы. Диковинную вещицу при продаже окрестили шкатулкой для пуговиц, но положить в нее что-либо было крайне затруднительно. Да и на шкатулку сувенир едва ли походил: невзрачная деревянная бочка, словно для пива или засолки огурцов. Крышка бочки чуть сдвинута в сторону, а на ней маленький, довольно милый, искусно сделанный рукой мастера человечек с густой бородой и в красных башмачках. Гном, да и только. Стоило коснуться его, он сразу проваливался внутрь бочки. Стоило попытаться положить в шкатулку пуговицы – тот же результат. Схватить человечка или успеть поймать (увы!) не удавалось. Как пятидесяти копеечная монетка, брошенная в копилку, он издавал характерный звук и скрывался в темном и непроглядном омуте. Достать человечка или вернуть свою пуговицу не особо получалось, как не тряс бочку или не пытайся выломать крышку ножом.

Делать это было бесполезно, да и не нужно – через несколько месяцев или пару лет, может быть, завершив путешествие по далекой сказочной стране, закончив какие то важные дела, он сам возвращался на место. Так человечек и жил на книжной полке, исчезая и снова появляясь.

К стеллажу с книгами подошла маленькая девочка. Ее оставили в кабинете продавца пуговиц на пару часов, чтобы оградить от присутствия на похоронах отца. Секретарь, которая отвечала за трехлетнюю дочку учредителя магазина Полину Егоровну, не отрывалась от компьютера, а малышка грустила о забытой где-то любимой веревочной прыгалке и пыталась найти новое занятие. Наконец, она увидела заинтересовавшую ее игрушку. Детская ручка еле дотянулась до человечка, и он тут же скрылся в бочке. Крышка закрылась.

1.

Глава 1. Алексей

– Да говорю же тебе – выставка самая выставочная выставка из всех выставок! Никаких причин у тебя быть не может! Не хочу ничего слушать! Хватит уже врать! Про голодную собаку уже было! Я все твои отговорки наизусть выучила. – Аня демонстративно нажала на красную закорючку, отдаленно напоминающую телефонную трубку. Сотовый спешно нырнул с руки в чехол. Завязав шелковую ленточку, молодая женщина убрала его во внутренний карман большой оранжевой сумки и резко застегнула молнию, как-будто говоря: «Что-что а уж телефон мне точно сегодня не понадобится», но понимая, совсем скоро она совершит те же действия в обратном порядке. Обычно с таким видом школьник прячет в портфель дневник, который придется показывать родителям.

Аня хотела спиной прислониться к колонне, но та, как ей показалось, отодвинулась – не закружилась, не отошла, а протанцевала, и сделав изящное па, встала чуть дальше, чем была, дальше примерно на шаг. Молодая женщина медленно оглянулась – глаза расширились, а лицо повторило мимику Барнабаса Коллинза, случайно выпущенного из склепа, где провел два века, и оказавшегося в очень изменившемся мире. Витая колонна в стиле барокко не выглядела пугающе, но спиральные полосы, идущие вверх тремя рядами, подразумевали какое-то вращательное, ввинчивающееся, неприятное движение.

Анюте не на кого было опереться в жизни, рассчитывать приходилось только на себя. Требования к супругу выдвигались несколько нереальные – получай много, обеспечивай так, чтобы я могла наслаждаться роскошью, но при этом не следует добиваться вершин: быть на высоте – привилегия женщины. Анна не понимала, что жить по таким указаниям вряд ли кто-то сможет и надежда снова спрятаться за мужское плечо еще дышала, дышала довольно робко. Аня поежилась и отошла к стене: надеяться на приход Алексея лучше в месте более безопасном и спокойном.

«Вряд ли появится раньше семи, – решила она, посмотрев на часы. Сейчас все ее мысли занимала так похожая на свидание, но отнюдь не являвшееся им, встреча. – Почему всегда я жду мужчин, а не они меня? Ведь договаривались. А если он опять не придет?»

Мимо проходили люди, много людей, толпа, огромная толпа. От каждого человека, проплывающего перед глазами, начинала кружиться голова и подташнивало. В числе многих – молодой парень в темном пиджаке с девицей в красном платье, две пожилые дамы с буклетами выставки в руках, семья с ноющим от раздраженных слов матери: «Зачем мы только тебя взяли с собой? Тут явно детям не место» ребенком, снова парень с девицей, нарушающей громким смехом созданную заметным усилием каждого посетителя музейную тишину.

«По всей вероятности человек никогда не попадет в Красную книгу, – думала, зевая, Анюта, – Люди плодятся и плодятся, размножаются и размножаются, делают детей, следуя благословию. Что бы там не говорили о демографическом кризисе, о снижении рождаемости – нас много; иногда или местами слишком много. Нужно будет взять выходной. От людей».

Пожилый мужчина с тростью и сопровождающая его молодая особа. Молодая особа и сопровождающий ее мужчина с тростью...

«С другой стороны, было бы странно заносить человека в Красную книгу, даже если бы он как вид вымирал. Что бы это дало? Кто будет оберегать нас, если мы окажемся на грани истребления с лица Земли? Интересно, а могут ли «Красную книгу» занести в «Красную книгу», если ее перестанут издавать?»

Ане показалась забавной эта мысль и она улыbnулась.

«Да, что ж это такое!» Из сумки послышались первые приглушенные звуки «Somebody That I Used To Know». Аня сделала вид, что беспокоить ее вроде бы и некому, а отвечать на звонок просто лень.

На строчках «And then change your number, I guess that I don't need that though» она зашипела, втягивая в себя воздух, и, раскрыв сумку, начала искать телефон. Найти недостижимый тайник было сложно. С левой внутренней стороны его просто не оказалось. Там располагался карман с цветочной вышивкой гладью, непонятно за что наказанный и спрятанный от людских глаз. Чтобы перебраться на другую сторону, необходимо было освободиться от зацепившегося за кольцо с топазом шарфика-снуда, подвинуть нестандартно крупный кошелек с головой бретонского грифона и, желательно, встряхнуть все содержимое интенсивным движением. Теперь Анюта выбирала из двух найденных одинаковых на ощупь карманов. Сколько бы раз руки не проделывали весь этот путь, заучив когда-то ошибку, они сначала расстегивали не ту молнию, потом почти автоматически застегивали ее обратно, нащупывали другую собачку и, проникнув двумя пальцами в святое-святых, не без усилий вытаскивали дребезжащий и все громче и громче орущий чаще всего песни Готье телефон. Телефон как-будто радовался, что его нашли и, как правило, замолкал. Почти всегда, но не теперь: «I used to know, that I used to know...»

Единственное, что всегда удавалось очень быстро сделать – извлечь сотовый из чехла. Как ни странно, тонкая ленточка каждый раз легко скользила между пальцами с аккуратным маникюром, не путаясь и стараясь не гневить хозяйку, послушно развязывалась.

Взглянуть на имя звонящего или попытаться угадать его, Анне даже в голову не пришло. Алые губы недовольно поджалились, а глаза устремились вверх.

– Я больше слышать ничего не желаю! – сказала она, выдерживая паузы между словами. – Ты просто должен быть здесь! Леш, я не шучу!

– Нюра, я тут! Успокойся! Ты чего? Я просто хотел спросить, где тебя найти? – приятный, очень знакомый и очень родной баритон звучал ласково и смиренно. Нюра надула щеки, глаза забегали: «Он рядом!»

В телефоне стукнуло, загрохотало: – Да что тут происходит? Смотреть надо под... э-э-э! Что за...? Ань, я не тебе! Где ты? А всё – вижу тебя!

Телефон убежал снова в сумку и улегся рядом с головой гриффона. Толпа людей расступилась или вовсе пропала куда-то вместе с колоннами. Во всяком случае, Аня не замечала никого рядом, во всем вестибюле в одно мгновение оказалось пусто.

Молодая женщина с оранжевой сумкой начала проявляться из стены: постепенно стало видно белоснежное лицо, открылись большие глаза цвета лесного ореха, черные локоны выбились из прически, и вся хрупкая фигурка подалась навстречу родному голосу. Анна машинально поправила волосы. На щеках выступил ровный румянец. Кокетливая улыбка появилась без всякого предупреждения, как-то самостоятельно.

Отражая ее мимику и умноженное в несколько десятков раз движение вперед, тоже убирая волосы с лица, к ней спешил мужчина, лет под тридцать, не высокий, коренастый, с мягкими чертами лица «милый мой зайчик» и жесткой короткой щетиной «третий день небритости».

– Привет, привет! Я не сильно опоздал? Не мог решить, стоит ли мне смотреть, чего добились другие люди или лучше самому что-то успеть!

– Ты опять? – Аня поцеловала возмущающегося Алексея в колючую щеку. – Пойдем, у нас не так много времени. Что теперь говорить? Ты здесь и это самое главное.

Обходя людей, снова опустившихся откуда-то сверху с потолка, на котором висели две огромные восковые люстры-близнецы в стиле японского дизайнера Такеши Миякава – ими можно любоваться часами, не отводя глаз – или вознесшимися снизу из пола, покрытого стеклом, под которым виднелась странная масса, напоминающая съеденную еду, заинтересованная пара свернула на лестницу.

Идти по ступенькам было затруднительно в силу их размера, но тем не менее лестница всем своим видом – традиционным ковровым покрытием Дома культуры и самыми обычными театральными бра на стенах, обещала без каких-либо творческих ухищрений вывести на основную территорию галереи. Она никак не выдавала свою принадлежность к названию всего мероприятия «Одрадек: о высоком и низком», хотя даже определение лестницы в толковом словаре компрометировало ее в развитии темы – подъем и спуск.

Алексей косился на блузку подруги, считая пуговицы и с интересом рассматривая их овальную форму и рисунок оливковой веточки. Эта профессиональная привычка, «визуальная филобутонистика», как он ее назвал, прочно вошла в его жизнь года три назад, а может и значительно раньше. Аня и тогда воспринимала этот взгляд как долгожданный комплимент и обычно, чуть разворачиваясь, выпячивала и без того привлекательную грудь, чтобы она казалась больше и выше. Думать в такие минуты, что его интересуют пуговицы, самолюбивая жена категорически отказывалась.

Поднимаясь по ступенькам, пара сумела быстро избавиться от ощущения – прекрасного и мерзкого, которое художники так старательно создавали на подходе к павильонам, и отвлечься от атмосферы страшной загадки и необычной реальности.

–Ну, как ты? Все путем? – Алексей, решил, что нужно о чем-то спросить, завязать разговор. Все-таки они договорились быть друзьями, а друзья иногда общаются, задают всякие вопросы этого типа. Сегодня ему не хотелось тратить время на посещение очередной выставки и разговоры с Аней. Но часто легче повиноваться, чем объяснить упрямой барышне свою четкую позицию. В споре получишь несравнимо меньше удовольствия, чем вреда для психики.

–Как я? Да ты лучше о себе расскажи. Так и мечтаешь попасть на стену возле моря? Не слышала, чтобы ты там уже отметился. Газеты ничего не писали, – Аня почувствовала фальшь в дежурном вопросе друга, поняла, что Алексей на самом деле не интересуется ее жизнью, и совсем не желая ничего плохого, уколола его в больное место.

Он поморщился, но промолчал.

– Извини, – спохватилась она. – Я не хотела!

Аня отметила про себя, что даже если человек решает не в коем случае не говорить фраз, которые когда-то разрушили что-то важное для него, однажды слова произносятся, складываясь в те самые предложения, а он почему то чувствует всего лишь неудобство, которое испытываешь, если посередине спектакля в кармане зазвонил телефон. Всего лишь неудобство и ничего более.

– Забудь, Нюр, – вяло отмахнулся Алексей. – Давай не будем об этом, хорошо?

Нюра не понимала его и раньше, с чего он должен был решить, что произошли хотя бы и мало-мальские изменения? Что такое с ней могло приключиться?

Почему они остались друзьями? Последний вопрос не находил ответа – именно друзьями они как-раз не смогли стать в браке, но в плане близости всегда все было отлично, ну или почти всегда. «Почему они не могли остаться любовниками? – иногда думал Алексей, глядя на стройную фигурку подруги. – Это было бы гораздо логичнее». Аня чуть ли не единственная на всем белом свете имела представления о целях мужа. Она смеялась над его стремлениями, желаниями, не разделяла интересов. Алексей не мог заниматься важным для него делом, не выслушав недовольство жены и не поругавшись в пух и прах. Мирились они вечером в постели. Так почему они остались друзьями?

Длинная лестница заканчивалась примитивной площадкой, практически разрушающей в хлам первое впечатление, полученное в холле и заставляющей окончательно поверить – это самая обычная лестница. Однако дальнейшие варианты движения предполагали скудный, но очень неожиданный выбор – вернуться назад или спуститься вниз по другой второй части лестницы, которая располагалась слева и казалось имела гораздо меньше ступенек, чем первая. Сразу представлялось недовольство полных, пожилых или страдающих сердечными заболеваниями людей, которые решили посвятить день жизни высокому искусству и, поднявшись с одышкой по неудобным, несоответствующим СНиПам ступенькам, увидели остроумный креативный розыгрыш. Непонятно, почему думалось именно об этом, а не о том, что художник представил вниманию зрителей неординарную лестницу с глубоким смыслом. Рассуждения о глубоком смысле, можно сказать, интерактивного экспоната, приходили чуть позже, но главное, что приходили.

– Хм, занятно! – Алексей повеселел, и на широком добродушном лице засияла улыбка. Ни чудесные люстры-свечи, ни противный пол, ни даже скользкая колонна, на которую он наткнулся до встречи с Нюрой, не произвели такого действия. Алексей любил размышлять об авторских идеях. Его мысли, как правило, укладывались в одну емкую фразу, все остальные новорожденные соображения терялись в чехарде, устроенной Нусом:

– Всякий поднявшийся должен спуститься.

– Да, это точно. Но мне кажется, что тогда и подниматься нет смысла! Тащишься по этим ступенькам, смутно понимая «зачем?», а они крошатся, отбрасывая мелкие камушки. Сокровища, как правило, лежат под землей! А рядом с вершиной всегда пропасть, – отозвалась Аня.

– Ну, конечно... – усмехнулся Алексей, – Так и жить все время у подножья горы, или, вообще, в той самой пропасти, да? Существительное «пропасть» слишком уж похоже на глагол «пропасть». Это же не случайно! Да лучше, приложив усилия, массу стараний, использовав максимум возможностей, пережив кучу бессонных ночей, принеся в жертву что-то дорогое для тебя, но все же подняться и побыть на высоте хотя бы чуть-чуть, хотя бы недолго, чем так и не взобраться, а смотреть, как другие добиваются своего, как оказываются у цели, у твоей цели! Нет уж. Мое место не внизу! И сама эта дорога вверх – она, может быть, даже важнее, чем вершина. Я буду лезть пока не отнимут лестницу. Я готов на все ради этого. Ты знаешь.

К начинающей спорить паре приблизились два странных существа, нижние части которых – стройные, хрупкие юные идеальные разнополюе тела, – находились в ужасающей дисгармонии с верхними – уродливыми, усыпанными язвами, нарывами и гноящимися ранами,

измученные старостью, или скорее смертью, страшной и далеко не скоропостижной. Алексей умолк и напрочь забыл, о чем он размышлял так эмоционально и пафосно, Аня вскрикнула, уткнулась лицом в плечо бывшего мужа, но любопытство победило страх и отвращение – она снова повернулась к существам.

Голова – судя по нижней части – девушки, была обмотана бинтом и источала запах медикаментов. Бинт скрывал отвратительные волосы, пробивавшиеся местами между крошащимися на нитки кусками марли, и рассказывал о невиданных инфекциях, заразиться которыми, думалось, не составляло труда.

У юноши даже таких редких пучков не было, уже не было: корка отшелушившийся кожи розово-красными буграми покрывала место, где могли бы находиться, скажем, прекрасные, выющиеся светлые волосы до мочек ушей, как у Алексея. Глаза, как-бы закрепленные внутри лица, у обоих были подобны стеклянным шарикам с бусиной цвета гранатовых зерен в нем.

Рот зашит, как у героев фильмов ужасов, большими стежками черных шерстяных ниток. На шеях – толстая веревка, завязанная петлей. Одним словом – жутко, двумя – жутко и мерзко. Взгляд удерживала именно голова – она хватала за невидимые металлические канаты, которые тянулись от зрачков, напрягала до звука струн и держала, так что было удивительно трудно оторваться или опустить глаза чуть ниже, но если это все-таки удавалось, мурашки по телу мелкой дрожью тут же сменялись на прохладный ветерок и разливающееся тепло внизу живота. Нагота существ была изумительной – казалось людей с такими правильными, изящными телами нельзя встретить в природе.

Существа синхронно показали руками, один – левой, другой – правой на табличку «Начало просмотра» и отошли радовать своим видом вновь приходящих.

– Это экскурсоводы-указатели! Но у нас есть и рассказывающие экземпляры! – пояснил оторопелым посетителям сильно надушенный одеколоном с отчетливой нотой терпкой лакрицы тучный мужчина с короткими ручками и блестящей лысиной. На свитере с оленем красовался большой бейджик «Семен Мелихов. Администратор».

– А, тогда нет вопросов, – отозвался Алексей. Он выглядел деловым и понимающим тонкость данной задумки, но дымчатые глаза лукаво улыбались. Двумя пальцами от обнял подбородок, ущипнул нижнюю губу.

– Вы зря смеетесь – это творческий проэкт некое подражание британскому фотографу Бэну Хоппэру, – уловив смех-невидимку, продолжал мужчина тонким, визгливым голосом, – но надо отметить, маски у нас представлены куда более жуткие и омерзительные (эти два слова, и правда, всегда угадывались), а вот сами модели гораздо, гораздо привлекательнее! Чудесное агентство «Milk». Агентство предоставляет моделей, домашний персонал и гувернанток высшего уровня. Вы только полюбуитесь! Очень рекомендую. Да. Красивое тело человека притягивает, но помыслы иной раз ужасны! В голове может быть то, что вам и не снилось! Ну! Не буду вас отвлекать. Прошу, проходите!

Алексей осторожно украдкой посмотрел на Анну: «Ты всегда мешала мне! Из-за тебя я ничего не добился! Ярмо на шее. Но такое красивое ярмо!»

Из глубины зала слышалась речь экскурсовода, а точнее отдельные обрывки фраз, оканчивающиеся прожеванными, сплюснутыми словами: «У чукчей и эскимосов с-щ-щ поверье, ш-ш-ш на том сссте бессмертная старуха селила в хшшш яранге, только тх, у кого были дети, а у квнелооо топила в бездонном оз-рее. В хшшшей яранге...» Очень хотелось узнать, что или кто находился в хорошей яранге, но как не прислушивайся – ничего разобрать не получалось. Нюра, взяв Алексея за руку, уже собралась оказаться поближе к чукчам и эскимосам, но заметила огромную, нет, гигантскую девочку, которая сидела на полу, и при этом была гораздо выше человеческого роста. Малышка сосала кубик, точнее замерла с кубиком, поднесенным ко рту.

Вдруг откуда то снова возник лысый мужчина, и тонкий голосок засвистел над ухом, как комар в летнюю ночь в палатке на берегу реки:

– Экскурсовод хорошо рассказывает об этой крошке. Вот есть свободная девушка похожая на Майкла Майериса! Позвать?

– Нет! – хором ответили гости выставки.

Алексей покашлял в кулак:

– Я своей спутнице сам все расскажу!

Он посчитал про себя пуговицы на пиджаке и видневшемся кусочке рубашки администратора Семена Мелихова, оценив их внешний вид, количество дырочек, способ пришивания и рассказал все сам:

– Мы видим фигуру ребенка. Гиперреализм. Девочка выполнена из ..эээээ... пожалуй, это не силикон. Его, с другой стороны, часто используют для изготовления масок в киноиндустрии, чтобы, скажем, убить какого-то героя, не убивая беднягу на самом деле! Скорее из винила. А может все-таки из силиконовой кожи? Это кукла реборн. Похоже. Конечно, размер... Кубик цвета хурмы. Этот цвет помогает человеку освободиться от страхов и побуждает к действию.

– Тихими стопами-с, тихими стопами-с... – пропев приторным голоском, подражая Лебедеву из романа «Идиот», мужчина удалился и унес с собой все пуговицы, включая так и не отпоротую запасную, пришитую на изнанке пиджака, которую Алексей тоже посчитал.

– Да! И вот еще, что важно! На самом деле девочка точно соответствует среднему росту своего возраста, просто люди подходящие к ней уменьшаются раза в четыре! – весело продолжил Алексей, и выдержав паузу, очень серьезно добавил ту самую емкую фразу: – Кто-то может быть велик, лишь потому что другой незначителен.

Ставшие по капризной воле судьбы друзьями долго рассматривали «Девочку с кубиком», наслаждались залом Роз и картинами «разного неба». Не меньше порадовали их и мини-комнаты сюрреалистических интерьеров и романтические инсталляции вещей снов. Анна и Алексей, взявшись за руки, прошли по коридору судебной канцелярии, где почти нечем было дышать, все-таки услышали предание о хорошей яранге, рассказанную экскурсоводом с очень милой головой аргонавта, и в очередной раз поспорили на тему гениальности и бездарности.

Они не обошли и половины выставки и, устав, подумывали уже уходить, но наткнулись на эту, самую впечатляющую инсталляцию, тут же оказавшись внутри ее, став ее участниками, а, может быть, и главными героями. Во всяком случае Алексей почувствовал это всем естеством, дышащим и живым – эмоции не имели ничего общего со страхом, были похожи на те, что испытываешь при невозможности чего-либо, абсолютном неприятии и физическом несоответствии. Будто оказываешься там, где тебя точно нет, оказываешься в царстве Маны, подземном мраке «не похищенный болезнью, не убитый грозной смертью и ничем не умерщвленный», но ты тут, такой как есть. Тут. Внутри какой-то шкатулки или емкости, деревянной, а может обитой темным бархатом... Да, обитой темным дорогим бархатом.

Трудно понять, как именно создавалось такое ощущение, может быть холодом, как-то влияющим на восприятие, может запахом ладана или звуками оркестра, перемешенными со стонами и тихим шепотом разговоров, а может всего лишь визуальными образами – фотографиями жизни людей от рождения до положения во гроб, проплывающими у тебя перед глазами, и тем самым бездонным озером под ногами, в котором топили мертвых бездетных эскимосов и чукчей, или всем вместе взятым, но здесь происходило нечто непонятное, душашее и важное.

Время позднее, а завтра пятница – рабочий день, требующий отдать последние силы. На выходные Аня рассчитывала снова встретиться с Алексеем и все-таки попытаться вернуть мужа. У нее катастрофически быстро заканчивались деньги и, несмотря на то, что Алексей

получал не так много, лучших вариантов пока не находилось. Аня отошла от инсталляции и ждала, когда и ее «теперь только друг» будет готов поехать домой.

Но Алексей не мог сейчас уйти. Ему стало не по себе: скверно и паршиво. Скорее даже он стал не в себе, а точнее, кто-то будто возник рядом, вырос, оказался слишком близко. Алексей не видел, но чувствовал, что появилось ледяное серо-черное пятно. Опять оно. Неизвестно откуда и когда появляющееся и куда исчезающее. Он не мог поспеть за пятном – оно всегда находилось чуть-чуть вне поля его зрения, но оно было, существовало, жило.

Алексей закрывал глаза и видел себя лежащим на металлической кровати с сеткой, поднимающим с большим усилием тело и резко наклоняющимся к металлическому тазу, который, уже и без того грязный, принимал новую порцию рвоты. Пространство наполнялось отвратительным запахом. Он не чувствовал себя больным, но хотел избавиться от того, что прилипло к нему, внутри или снаружи неважно – нужно отогнать это «...или наотмашь, что ли, ударами, или словом заветным каким» как можно дальше. Он открывал глаза и ощущал рядом с затылком холодное крутящееся веретено с нитями человеческих жизней, с нитью его жизни.

– Ну, ты идешь? – голос откуда то издалека звал его, но Алексей не различал слов.

Аня заглянула в большие серые глаза:

– Леш, с тобой все нормально? Домой собираешься?

Она коснулась холодными ладонями побледневшего лица. Алексей встряхнул головой, русые с карамельным оттенком волосы рассыпались облаком и снова послушно улеглись кудрявыми прядями:

– Да, конечно, пойдем! Я устал, да и эта инсталляция...

– Брось ты! Ничего особенного. Выход там!

– Ну да. Выход! Ты знаешь, где выход, – как в бреду шептал Алексей.

– Я же обещала, что выставка будет очень впечатляющая, но не надо так все воспринимать. Придешь домой – ложись спать! На тебе лица нет! Ты не заболел? Давай номерок! Может зря я тебя позвала, дорогой? Заканчивай со своим творчеством! Встретимся на выходные? Пусть не на эти. Через недельку. Я главного то и не сказала тебе, – Аня говорила и говорила очень быстро, Алексей не разбирал звуков и не улавливал смысла, у него в голове плодились свои слова, фразы, предложения, тексты:

«Все, что я делаю, к чему стремлюсь – чушь. Куда я собрался? На море? Семь лет работ и нулевой результат. Я просто ничтожество. Опять. Опять это начинается! Может кто-то и добивается чего-то в жизни, но не я. Мое место у под – ножь – я! Бог, раздавая таланты, закончил прямо передо мной, и я ушел ни с чем. Сколько людей простояло в этой очереди? Я оказался последним!»

И эти размышления снаружи вкладывались в мозг, нашептывались, напевались, вкручивались.

Слова Нюры так и не добрались до уха ее друга. Он оделся, попрощался и уже шел пешком, петляя по переулкам и заходя в темные двory. Листья под ногами не хотели шуршать и хрустеть: они хлюпали, чавкали и цеплялись к подошвам. Порывы ветра то и дело трепали кудри Алексея, и он поднял повыше воротник пальто, прижимая волосы, пряча локоны за уши и втягивая от холода шею.

Деревья еще не смогли полностью избавиться от надоевшего наряда. Пышные ошметки зелени и желтые лохмотья мотались, таская за собой усталые ветви. Не видно ни одной звезды – тучи, затянувшие небо с раннего утра, упрямо висели в осеннем воздухе. Не повинуясь взбешенному ветру и нарушая законы природы, они укрылись темнотой и спрятались от людских глаз.

Алексею не удавалось избавиться от навязчивого голоса, который разрушал все его планы, надежды, цели. Зайдя между домов, стоящих неожиданно близко друг к другу он присел на корточки и закрыл уши руками. Пронзительно громкий, истошный крик разбудил задре-

мавшую старуху с первого этажа. Она вскочила, подбежала к окну. Заклеенное к зиме липкой лентой, окно не поддавалось встряскам старухи, и та стала ругаться через стекло, грозя кулаком. Теперь сухая фигура скрылась в комнате. Старуха похоже была бессмертна, потому что даже подумать о том, сколько ей приблизительно на вид можно дать лет, было страшно. На втором этаже мужская рука поплотнее задержала шторы, на третьем закрылась балконная дверь.

«Я много возомнил о себе. Я неудачник. Посвятить себя такой ерунде! Ладно бы руки из того места росли. А при моих способностях жил бы спокойно со своей Нюрой и не трепыхался! Куда я полез? Ради чего? – крик не помог, и Алексей слышал мерзкий голос. – Пуговицы! Какая глупость!»

Старуха вернулась с миской и залезла на подоконник. Открылась форточка, оставленная для проветривания свободной от стягивающих все окно клейких полосок. Пахнуло сыростью и перекипяченным борщом с чесноком. Час назад старуха прогнала орущих котов, выплеснув на них воду, и сейчас она была готова испробовать свой метод на человеке, мешающим спать.

«Пуговицы, – думал теперь сам Алексей. – Может весь этот бардак в голове из-за того, что я пропустил одну пуговицу, застегивая рубашку? Неужели это правда? Нужно было перестегнуть весь ряд! Да! В этом все дело! Конечно! В этой нелепице все дело? Именно нелепице – не слепилось, пошло не так».

Алексей сделал несколько шагов и снова остановился. В свете фонарей, дежурящих у одного и второго дома, он увидел свою тень, преломленную стеной. Шли минуты. Сморщенное, как сушеное яблоко, лицо снова появилось перед Алексеем в следующем окне. Старуха стучала по стеклу рукой. Алексей отмахнулся от нее, как от надоедливой мухи, и снова посмотрел на тень – самая обычная тень, которая получается, когда проходишь мимо фонарей – раздвоенная. Старуха снова взбиралась на подоконник, пытаясь ухватиться корявой рукой за откос, изрядно покусанный временем.

Сегодня обычная тень выглядела как-то иначе, ненормально: ты сам, хоть и сломанный пополам, а рядом черный человек, целый и невредимый.

Пройдя еще пару кварталов, Алексей оказался у старой пятиэтажки.

Вот и подъезд с кованным козырьком. Детская коляска, оставленная под лестницей. Ступеньки. Обитая дверь с рисунком из гвоздей. Квартира. Он открыл замок. Хлопнула дверь. Связка ключей повисла в скважине. Тяжелый брелок застучал по двери в месте, где уже остался ряд мелких вмятин. Алексей скинул верхнюю одежду, ботинки стукнувшись о стену, неуклюже развалились на полочке.

Переодевшись в пижаму, он тщательно застегнул пуговицы в особом, нужном, как ему казалось, именно сейчас порядке и лег на кровать. Постель не перестилалась несколько дней. Громкое тиканье часов нарушало тишину дома.

Алексей долго не мог заснуть. Простыни съезжали от ворочающихся движений, сминались, комкались и сползали с кровати. Подушка стала неприятно теплой. Он так и не увидел то существо, но ясно представлял его по внутренним ощущениям и знаниям. Представлял его и уже далеко не впервые. Серо-черное пятно каждый раз принимало совершенно определенную форму, что-то типа детской юлы. В движение эта штука приводилась не винтообразным осевым стержнем (он протыкал игрушку насквозь), а именно обмотанными вокруг нитками или тонкими веревками, как при раскручивании латиноамериканского тромпо. «Нитки. Они держат все и не дают оторваться, и они же душат тебя, когда ты это осознаешь», – шептала игрушка.

Около часа ночи Алексей схватил с тумбочки домашний телефон. Пальцы спешно набрали в темноте случайный номер. Дождавшись, когда возьмут трубку, он сказал то, что должен был хоть кто-то слышать, во что должен был хоть кто-то поверить:

– Пуговицы – не какая-то ерунда! А человек, приложив усилия, может осуществить свою мечту! Слово «невозможно» придумали слабаки!

Сказал и сразу, дернув за шнур, отключил телефон. Ему немного полегчало, и вскоре он уснул. В окно светила полная луна, тень от кровати на противоположной стене украшалась, пристроенной на изголовье шутоввиной, по форме напоминающей трёхмерные проекции гиперкубов в любых измерениях.

Глава 2. Ульяна

Пошатываясь и чуть дрожа при каждом шаге, он вяло брел по улице и присматривался к прохожим, щуря мутные гноящиеся глаза: он точно знал – людей следует опасаться. Он хотел быть крошечным, ужаться до размера серой мыши и залезть в самую узкую щель, но был от природы не таким уж маленьким, хотя сейчас и очень худым. Он бы зашел в какой-нибудь закуток, спрятался от всех и тихо умер, но и этого сделать ему не давали. Кто-то обязательно появлялся рядом с плохим убежищем и прогонял бродягу. Голодный, измученный, больной он просто пытался идти. Куда? Куда само «брелось».

Люди с отвращением шарахались от него, сторонились. И, конечно, дети, которых он так любил, ни разу не сказали и доброго слова. А если он пытался приблизиться, его обязательно прогоняли с криками, а иногда камнями или палкой. Он постоянно следил, чтобы случайно не оказаться рядом с кем-то живым, потому что такие встречи всегда заканчивалось болью. Он хорошо усвоил, что никому не нужен: за всю сознательную жизнь, его ни разу ни обняли, ни погладили, ни приласкали. Да что говорить? К нему лишь один раз подошли близко. Он то хорошо помнил, как с ним приключилась эта беда, но очень хотел забыть. Тогда появилась призрачная надежда, которая так жестоко обманулась.

Сейчас он не думал ни о том ужасном дне, ни об одиночестве, ни о тоске, заставляющей волком выть ночами, он перестал думать о еде, потому что не мог есть. Иногда добрый человек кидал ему издалека кусок хлеба или даже ошметок мяса, но он лишь обнюхивал подавание, испытывая благодарность. Пить было тоже почти невозможно. И если бы ни пара случайностей, ни найденные «водопой», расположенные необходимым ему образом, уже не пришлось бы ждать смерти. Бедный, бездомный, больной, ужасно истощенный, битый бродящий пес думал лишь о том, как переставлять лапы и двигаться вперед.

Он почти добрался до перекрестка Садовой улицы и Аптечной, но последний шаг оказался таким трудным, что сделать его пес не смог. Он остановился недалеко от паба «Гринвич» и рухнул от изнеможения, голода и усталости прямо возле баннера с социальной рекламой «Чистота вокруг – наш общий труд!», на котором терлись клювами два воркующих голубя, пачкая стекло пометом. Малыш, любовавшийся нежностью птиц, увидев собаку, заплакал и бросился к матери. Собака не хотела пугать маленького мальчика. Она не могла отойти или исчезнуть, замерцать и испариться. У нее больше не осталось сил даже встать.

Пинать ее или гнать тоже не было смысла: на сером асфальте лежал собачий скелет с иссохшими мышцами, обтянутый кожей с торчащей кусками пыльной шерстью. Морда пса опустилась между длинными лапами, уши разложились по тротуару и казались гораздо больше, глаза медленно закрылись и слиплись.

Мимо проходили люди, много людей.

На город начала спускаться тьма, но ее тут же развеяли вспыхнувшие фонари и сверкающие вывески. Из паба вышла молодая, хорошенькая женщина в мягком, немного бесформенном пальто-коконе розового цвета и серых ботильонах, смотрящихся чересчур массивно на тонких ровных ножках. Уля подошла к припаркованному рядом Форду Фиесте. После нажатия на брелок раздался характерный звук-писк, напоминающий крик: «По-ра!» Уля хотела сесть в машину, но заметила собаку или скорее то, что от нее осталось. Казалось, что такая леди, источающая запах не самых дешевых духов, в жизни не решится приблизиться ни к чему похожему на груду костей в лохмотьях, безжизненно развалившейся на тротуаре, но она не только

подошла, но и присела рядом на корточки, чуть собрав пальто, и провела рукой по собачьей морде. Нос пса был теплым и сухим. Голова его чуть приподнялась, то ли испугавшись прикосновения, то ли удивившись ему, и снова опустилась на холодный асфальт. Глаза не открылись, шкура над ними все же натянулась и собралась в небольшие складки – попытка разомкнуть гноящиеся щелочки несомненно была.

– Что же с тобой случилось, бедное создание? Ты же меня не цапнешь, да? О, Боже мой! Боже! – Ульяна заметила, что морда собаки затянута прочной ниткой, веревкой или леской, местами вросшей в кожу животного, – Какой ужас! Несчастный пес! Кто же так с тобой? Бедняжка. Бедняжка! Что же мне делать? Держись, друг!

Собака никогда не слышала такой доброй интонации, такого мягкого, взволнованного голоса рядом, голоса, обращенного к ней. Она заскулила. Это получилось само собой. Пес почувствовал, что снова забило сердце, которое, как он думал, замерло навсегда. Передняя лапа непроизвольно дернулась. Он хотел завилать приветливо хвостом, но боялся почти бессознательно, боялся, что не сможет пошевелинуться и боялся, что доверчивость, как и в тот страшный для него день, причинит боль.

Ульяна встала, прикусила губу, решая, как поступить и к кому обратиться за помощью. Она была готова сделать все возможное и невозможное для пса, но сейчас думала, что донести его до машины – не такая и простая задача – собака не маленькая, крупная, но по всей вероятности и не слишком тяжелая. Так часто обещание «сделаю во чтобы то ни стало и несмотря ни на что» обессиливает при первой же трудности. В такие минуты просто необходимо укрепить решение почти безрассудным поступком, движением резким и необдуманым. Ульяна, подсунув руки под тело животного, подняла его и прижала к себе.

Если бы не лапа собаки, застрявшая между пуговиц на полах пальто, отличить пса от пустой шкуры или вытащенной из бабушкиного сундука старой шубы, поеденной молью и изношенной годами, было бы непросто.

То, как чистенькая, гламурная незнакомка обнимает облезлого пса, увидел мужчина довольно преклонного возраста, проходящий мимо. За спиной старика на ремне висела небольшая деревянная шарманка. Старик удивленно разинул рот, точно так же, как обычно делают те, кто видит катаринку за плечами пожилого человека, но спохватившись, предложил помощь:

– Милая, давай подсоблю! Ты его куда? Тяжесть то, небось какая! Неужто сдохла псина? Вон, надо дворникам сказать, они уберут! Все мы там будем, доченька!

Он достал из кармана платок и торопливо вытер лицо. Фетровая шляпа приподнялась, и чуть скосившись на бок, снова уселась на убеленные сединой редкие волосы.

– Живой. Живой! Спасибо, но видимо я справлюсь! Он совсем не тяжелый, мне бы его до машины! Помогите дверцу открыть!

– Какой страшный. Как черт! Дочка, не выходить тебе псину то. Он же поди одной лапой на том свете! Видит себя, наверное, со стороны. Отмучился почти, – старик открыл заднюю дверь. Ульяна поставила колено на сиденье и переложила пса на мягкий бежевый велюр...

Шарманщик смотрел вслед уезжающей машины, перекрещивая воздух и что-то нашептывая.

В теплом салоне пес согрелся и немного ожил. Он уже вернул лапу с того света, но кончик хвоста все еще цеплялся за небо. Пес открыл глаза, и в них отчетливо выделась вера. Даже не надежда, а именно вера. Вера очевидно в то, что жизнь изменится, что теперь все будет по-другому. Ульяна всю дорогу говорила, что позаботится о новом друге, никогда не оставит его в беде и много всяких приятных, успокаивающих ласковых слов, от которых трепетно билось сердце у бедного, бродящего пса.

Форд цвета Frozen White сопровождали несчастные оголившиеся деревья, оплакивающие роскошный наряд. На лобовое стекло падали умирающие листья, потерявшие родной дом и связь с матерью. Ветер поднимал их вверх, жестоко смешивая с бумагой и полиэтиленовыми

пакетами. Тучи, нависшие над контуром дороги, готовились разрыдаться в самое ближайшее время.

Дотащив животное к дверям квартиры, Ульяна пыталась открыть замок, нащупывая скважину той рукой, которой придерживала собаку за живот, потерявшийся где-то глубоко внутри. Желтый кругляшок на двери соседской квартиры, свет, сочащийся через глазок, исчез – любопытству одиноких людей можно найти оправдание.

Положив собаку на диван, Уля сняла пальто, и оно полетело прямо на пол, сбив с тумбочки пульт от телевизора.

Щелкнул выключатель ванной комнаты, зашумела вода – Уля помыла тщательно руки и поспешила на кухню. За исключением одной тарелки в мойке тут все было идеально чисто, чисто как в операционной – белая скатерть на столе, ни одной лишней вещи – все убрано и простерилизовано средством с цитрусовым ароматом. Уля одна из тех женщин, которые лепят все котлеты заново, если последняя получилась меньше остальных, и ополаскивают ванну вскипяченной водой. Открыв шкафчик, она достала коричневую аптечку с красным крестом. В ней отыскала спирт, зеленку, ватные тампоны, средство для заживления ран. В ее руках оказались и ножницы и банка с чистой водой. Недовольно взглянув на грязную тарелку, оставленную после завтрака, и пересилив желание помыть ее, Уля вернулась в комнату:

– Все сейчас поправим! Не бойся, я нежно!

Ульяна протерла руки спиртом, обработала ножницы. Капроновая леска (а это оказалась леска) там, где было возможно, разрезалась и аккуратно убиралась. Думается, работники немецкой компании IG Farben вполне могли представить себе, как будут использовать их изобретение пятидесятых годов.

«Все-таки леска предназначена для рыбаков, а не для догхантеров. Рыбаки действуют гораздо гуманнее живодеров. Они, по-крайней мере, добывают еду! Хотя, кто знает, что чувствует болтающаяся на крючке рыба? И потом. Как ужасно, когда блюдо из рыбы пропадает и его выбрасывают. Это совсем не то же самое, что просроченный творог, например!» – Ульяна сейчас жалела и пса, и рыбу, болтающуюся на крючке и почему-то самих рыбаков, которые ищут себе пропитание, и даже творог, который теперь обязательно полетит в мусорное ведро.

Уля без особых усилий освободила пасть собаки, но всю леску так просто снять не получилось, часть почти заросла кожей и шерстью, и нужно было удалять ее, обрабатывая вновь открывающиеся раны.

Пес разинул пасть так широко, как мог и высунул язык – сухой и бледный.

Прежде чем продолжить операцию, Уля все-таки вымыла ту тарелку. «Я сейчас приду! Одну секунды!» – донесся с кухни ее приятный голос, приглушенные шумом труб и газовой колонки. Захватив молока и воды, она дала псу вдоволь напиться – поддерживала лохматую морду и он пил, пил и пил, жадно глотая и как-будто разлепляя ссохшееся горло.

– Пей, дружище! Пей! Бедный мой друг! Молодец. Водичка вкусная! Пить надо. В жизни у тебя много всего хорошего теперь будет! Пойдем с тобой на море! Встретим там одного хорошего человека. Он будет обнимать меня и шептать нежные слова, а ты бегать по мелководью, пугая чаек, и приносить синий мячик. А потом мы вдвоем будем купаться и плавать в теплой, прозрачной морской воде или слушать шум волн на берегу и выбирать из песка красивые камушки. Рядом малыш будет строить замок. Увидев его, мой мужчина скажет мне тихо: Я хочу, чтобы ты родила мне сына! А я отвечу, что обязательно рожу от него ребенка. Потом мы достанем из сумки бутерброды и отдадим тебе всю колбасу, а сами поедим хлеб с сыром и свежим огурцом.

Закончив с леской, Уля промазала ранки марлевыми тампонами со специальным заживляющим гелем. После промывки глаз свежесваренным чаем, пес смотрел как-то веселее и выглядел немного лучше. Уля налила молока:

– Надо бы и поесть! Много, мой милый, нельзя! Мученик, зачем же с тобой так?

Пес сделал четыре глотка и сам отказался пить дальше. Собака как-то интуитивно понимала, съешь много и конец. Спешить тут ни к чему. Пес очень устал и растянулся на мягком диване.

– Поспи, дорогой мой! Я в аптеку сбегая. Надо тебя как-то начинать кормить! Это не дело, конечно, – Ульяна укрыла пса теплым клетчатым пледом. Хотелось, чтобы собака почувствовала себя уютно и спокойно.

Уля схватила пальто и накинула на себя. В подъезде она попыталась отряхнуть грязь и прилипшую на розовый кашемир серо-рыжую шерсть, но удавалось это плохо. Она махнула рукой и только тогда начала осознавать, что с ней приключилось, даже не с ней, а с псом. Слезы хлынули из подкрашенных глаз. Она зарыдала и, утирая лицо руками, пахнувшими спиртом, вошла в аптеку:

– Дайте глюкозу для инъекций, два, нет лучше три пузырька, физраствор, шприцов десятков по двадцать миллилитров, вон те витамины тоже!

Продавец, пожилая дама, бурча что-то про внешний вид женщины и шприцы, выложила просимое на прилавок и назвала цену.

Ульяна взяла пакет с медикаментами и расплатившись, побежала домой, всхлипывая и прокручивая происшедшее в голове, как кинолентку.

Она приготовила шприц, набрала первые двадцать миллилитров разведенной глюкозы. Вытащенная иголка осталась торчать в пузырьке. Другая послушно заняла ее место, струйка лекарства прогнала попавший в шприц воздух. Уля протерла кожицу на бедре пса и, собрав складку, уколола. Лапа дернулась, глюкоза начала медленно поступать в организм собаки. Ульяна отсоединила шприц от иголки, и снова раствор пополз по шкале от нуля до двадцати миллилитров. Еще раз ввела глюкозу.

От уколов надулась большая шишка, но Уля знала – постепенно шишка рассосется, и собаке обязательно станет лучше.

– Как бы тебя назвать, дружище? – Ульяна села в кресло напротив дивана и подперла голову руками. – Тайсон? Пока до Тайсона далековато. У соседского мальчика в детстве жила овчарка Крайд, но, если честно, ты на нее совсем не похож! Слушай, может тебе подойдет Султан? Нееет! Не то! Слишком уж просто для твоей судьбы, – она покачала головой и, оглянувшись на репродукцию картины Пикасо «Женщина в сорочке, сидящая в кресле», добавила:

– А знаешь, что людям иногда дают очень много имен при рождении? Вот, например, полное имя Пабло Пикассо на самом деле звучит гораздо длиннее. Если не ошибаюсь примерно так Пабло, Диего Хосе Франсиско де Паула Хуан Непомусено...

Пес заснул во сне и повернул голову. Ульяна отметила реакцию собаки в уме галочкой, и, уже размышляя над ней, продолжила перечень имен великого художника, которые она когда-то специально заучила, чтобы блеснуть умом при удобном случае:

– Хм, ... Мария де лос Ремедис Сиприанод де Сантисима Тринилал Мартир Патрисио... Слушай, конечно же, Непомусен! Мой новый друг Непомусен! Тебе очень подходит! Кстати, когда Пабло родился, его посчитали мертвым, но родной дядюшка пустил вроде как случайно табачный дым ему в лицо и, тогда младенец сморщился, кашлянул и дал знать, что все-таки жив. Считай, что я тот дым, а уж кто меня пустил, сам решай! Интересно, как у вас там у собак об этом говорят? Ну, ладно спи, Непомусен! Я загляну к тебе! Воду и молоко оставляю!»

«Какое странное ощущение... Будто я пропустила что-то значимое – момент в книге, главный момент раскрывающий всю суть. Словно нужную страничку вырвало сильным ветром и унесло далеко-далеко за высокую гору. Кажется, что я забыла самую важную вещь, – думала Уля, сидя за кухонным столом. – С другой стороны, такое же ощущение появляется, когда даже какая-то глупость мелкая стерлась из памяти, а сам факт, что хотел что-то сделать или сказать, остался. Может я просто вымоталась сегодня? Так! Обычно, когда мысль вылетает

из головы, нужно вернуться туда, откуда ее нес! И главное, пройти через дверной проем! Мне все же кажется, что моя мысль потерялась давным давно, и дверей я прошла достаточно, но попробовать надо!»

Этим вечером Уля и ее подруга Юна, сидя в пабе, обсуждали тему похищающих мысли дверей. Обе читали новые исследования ученых, и находя подтверждение необычной теории в жизни, делились опытом, который привел их к неким заключениям. Когда человек ходит, например, по комнатам, каждый дверной проем является для мозга переходом к новому событию и часто решения или мысли, связанные «с прошлым», просто стираются, точнее относятся маленькими человечками, состоящих на службе, в архив. Именно так они представляли себе процесс забывания. Но стоит лишь вернуться, и будто попав на недавно закрытую вкладку в интернете, снова получаешь доступ к нужной тебе информации – человечки с папками бегут обратно. Дверь таким образом четко делит эпизоды жизни на до и после. Комнаты или любое ограниченное пространство – временные ячейки, хранящие кусочки наших переживаний, идей, открытий, очень напоминают каталог в библиотеке, которым нужно научиться пользоваться.

Юна считала, что похищать мысли могут не только двери, но и проходящие мимо люди и, вообще, просто все то, что отвлекает внимание. Уля, конечно, соглашалась, но идея коварных дверей нравилась ей гораздо больше. «Люди – это понятно, – говорила она, – они просто перебивают тебя или ты сосредотачиваясь на них, теряешь мысль. А двери украдкой незаметно опустошают твою голову, когда ты этого не ждешь! Это круто!»

Общение Ули и Юны сегодня на этом и закончилось. Подруге пришлось срочно вернуться на работу.

Уля знала, что голова опустела еще до возвращения домой: она зашла в квартиру, потом опять миновала дверной проем, чтобы сходить в аптеку, снова вернулась, и не вспомнила ничего важного. По всей вероятности нужно дойти до машины и добраться до пересечения двух улиц, Садовой и Аптечной, но Ульяна решила сначала походить по квартире. Покидать дом, несмотря на вопрос, мучающий ее, не хотелось. Человек, как правило, пытается достичь цели, приложив, как можно меньше усилий, иногда прием срывает, но чаще в конечном итоге приходится сделать и то, чего избегал. С другой стороны, наедаемся мы не последней рисинкой супа харчо – для сытости важна и первая ложка.

Ульяна подошла к входной двери, повторила движения, которые совершала, придя домой – воображаемые ключи повисли в замочной скважине, невидимое, но грязное пальто полетело на пол, вымышленные ботильоны встали на полку для обуви, чуть толкнув настоящие. Ульяна зашла в гостиную, где посапывал под теплым пледом Непомусен, но вылетевшее из головы не вернулось. Она огляделась в комнате – параллельно лежащие шприцы, лекарства, аккуратный пакетик с ватными дисками и тампонами, ножницы, рядом вода и молоко – ничего не прояснилось. Диван. Разложенный неделю назад, он не хотел больше собираться – маленькая штучка, вылетевшая из-под него, видимо отвечала за весь механизм. Телевизор, включаемый, чтобы нарушить одинокую тишину квартиры. Кресло. Маленький круглый столик, оставшийся в память о бабушке. Ковер, вобравший все цвета комнаты в себя – персиковый он позаимствовал у дивана, нежно зеленый узор впитал от комнатных растений и занавесок, благородно-коричневую канву отразил от деревянного стола и подлокотников кресла, оливковый ему щедро подарили стены и подушки. Удивительно, но рыжий пес очень гармонично вписался в интерьер Улиной гостиной. Он оказался таким необходимым дополнением, которое сделало комнату более земной и уютной. А на ковре появились рыжие лилии, незамеченные раньше.

«Что же такое важное я упустила?»

Ульяна думала, что когда-то видела сон, в котором точно так же в комнате лежала собака, а она делала ей уколы. Но и во сне мелькала важная вещь, которую трудно припомнить. Или вещь казалось важной. Ведь бывает, что снится сделанное тобой великое открытие, явно пре-

тендующее на Нобелевскую премию, а когда просыпаешься понимаешь – о том, что банан не круглый, знает каждый. Ульяна посмотрела на женщину в сорочке, сидящую в кресле, опять вышла в коридор. Дверной проем не хотел помогать. Может она просто чувствовала, что вот-вот произойдет событие, способное изменить ход жизни, и вовсе не позабыла мелкую глупость?

– Ну, все хватит! Это просто невыносимо! – сказала она вслух. – Раз так, я поеду к Гринвичу!

Ульяна решительно схватила куртку – пальто следовало отнести утром в химчистку – но тут зазвонил телефон. Она подбежала и схватила трубку. Ночные звонки, а было достаточно поздно, всегда пугали ее. Точно так же звонил телефон, когда ей сообщили о смерти бабушки. Тогда она услышала молоденький голос медсестры, сейчас – незнакомый баритон:

– Пуговицы – не какая-то ерунда! А человек, приложив усилия, может осуществить свою мечту! Слово «невозможно» придумали слабаки!

Уля не поняла, кто ей звонил и зачем. Скорее всего, и не могла понять, но она, наконец, вспомнила, что ее тревожило и расхохоталась в полный голос, практически разразилась истерическим смехом. Наверно, психологи назвали бы такой гогот эмоциональной разгрузкой и, наверное, они не ошиблись бы.

«Непомусена переключивалась и забыла! Оторванная пуговица! Это какой-то бред, – смеялась она. – Просто пуговица. Я хотела ее поднять! Ну, это же, и правда, такая ерунда! Совсем все стерлось, осталось только многоточие, которое, наконец, превратилась в громкий восклицательный знак! Ого-го!»

Возмущаясь глупыми переживаниями, Ульяна прилегла рядом с Непомусеном на диван.

Глава 3. Марк

– Это колонна в фойе, – объяснил Алик появление небольшой гематомы на лбу. – Пустяки, конечно, но и она причинила мне боль.

Час, отведенный на Холодова, уже подходил к концу, но Марку никак не удавалось заставить мужчину как-то озвучить причину его депрессии. Алик говорил о чем угодно: о магазине за углом, о донорстве, о сэре Джоне Фальстафе, о трехдырочных пуговицах, но только не о себе. Все попытки перевести общение в русло взаимоотношений психотерапевт-пациент заканчивались полным провалом. Он сразу менял тему на другую. В последней же фразе появилось местоимение «мне», конечно, еще не «я», но уже что-то.

– Стукнуться лбом о колонну должно быть больно! Но вы же не станете ее обвинять? – аккуратно поинтересовался Марк, выразительно щуря глаза.

– О, конечно, стану! Только глупец считает, что сам врежется в дерево или бьется о косяки! Это тоже самое, что сказать, «я потерял какую-то вещь». Боже упаси! Я не властен, что-то сделать потерянным. Я просто не знаю, где она сейчас находится. Я, скорее, потерялся сам! Вот и все. Ведь вещичка лежит себе преспокойно на месте и, пожалуй, смеется надо мной. Ведь так, доктор?

Марк растерянно вздохнул и незаметно взглянул на часы. «В десять придет Соня!» Стрелка двигалась очень медленно. Марк немного запутался в рассуждениях Алика и пытался собрать нужные мысли в кучу. Сосредоточиться на работе не удавалось.

– Какую вещь вы имеете ввиду?

– Мою жену, конечно! Разве я потерял ее? Она просто взяла и ушла! Неужели не понятно? – Алик явно нервничал. – Я не черта не мог изменить! И только глупец будет утверждать обратное. Если бы я знал, что виноват в том, что произошло, я бы нашел способы все исправить! Но, пардон, я ничего плохого ей не сделал. Просто так должно было случиться. И если я должен был стукнуться о колонну, то как бы я не старался быть аккуратным – колонна

всыпала бы мне по первое число! А если мне суждено заблудиться в магазине пуговиц, то так оно и будет.

Мужчина погладил синяк и осмотрелся вокруг. Привстав, оглянулся. За диваном, на котором он сидел, была лишь стена, обклеенная безобидными обоями в розовый цветочек.

Марк хотел спросить, почему Алик думает, что вынужденно врзается в колонну, а колонна заслуженно получает удар, но желание закончить работу и, конечно, профессиональная этика пересиливала ехидство. Он и так начинал понимать, что речь идет об уходе от ответственности, проецировании ее на кого или даже на что угодно. К тому же беспокойство Алика трудно было не заметить. Марк решил узнать, как можно потеряться в магазине, но вдруг спросил:

– Здесь в этой комнате сейчас вы чувствуете какую-то опасность?

– Да! – Алик опустил голову и с усилием потер лоб ладонью, но, задев больное место, отдернул щуплую руку. – Меня пугает ситуация. Страшно, когда будущее предопределено, и все решают за меня! Даже сами эти мысли меня пугают!

Он пристально посмотрел на доктора:

– Вам знаком страх? Чего боитесь вы?

Марк вздрогнул, пот мгновенно выступил на лице. Он чувствовал, что задает правильные вопросы, и, наконец, разбив стену, подбирается к самой сути дела. Но то, что спросил его Алик касалось голого тела раскаленным железом. Когда пациенты интересовались его жизнью, он делился многим и использовал эти моменты в терапевтических целях. Фобия воды, которую испытывал Марк, почетно заняла место и его главного комплекса, и преграды к выстраиванию серьезных отношений, и тормоза профессионального роста. Фобия воды для Марка – была не только страхом, но и большим краснощеким стыдом, стыдом за прошлое и настоящее. Вопросы Алика было проще оставить без ответов.

– Ну, все решать за вас никто не будет. Если есть варианты выбора, то и способность выбирать остается за вами. Даже в самых безвыходных ситуациях, есть выбор, как относиться к тому, что происходит или произошло, – с успехом избежал ответа на вопрос Марк. – И может не ситуация пугает вас, а вы боитесь ситуации? Вы чувствуете разницу?

– Выбор, наверное, есть, но сделать его непросто, да и от моего решения ничего не зависит. Я не могу выбрать, стоит ли пытаться вернуть жену или все-таки искать новые знакомства? Может вы скажите мне, доктор?

«Вот где собака зарыта! – подумал Марк. – Буриданов осёл! Так и будет стоять и ждать кирпича!»

– Вряд ли я могу изменить ее отношение ко мне! – продолжал Алик, не делая пауз. – Но и найти женщину, которая бы любила меня, я не могу. И что я должен сделать, если моя жизнь рушится? Я не могу отойти, когда мне на голову уже летит кирпич с крыши! Это же ясно, как Божий день!

Минутная стрелка, наконец, добралась до двенадцати. И доктор с облегчением прервал пациента:

– Мы поговорим об этом в следующий раз, хорошо? А думаю, сегодня мы заметно продвинулись вперед! Снова буду ждать вас в четверг в то же время. И еще. Я дам вам домашнее задание, если вы не против. Найдите свободное время. Но ни сегодня, ни завтра... Пусть пройдет неделька. Сделайте это перед самой нашей встречей. Сядьте поудобнее в креслице или на мягкий диванчик и напишите на листке, начиная со слов «Я не могу» то, что вы не способны сделать в данный период жизни, а потом перепишите все еще раз, заменив первые слова на «я не буду».

– Попробую, доктор! – Алик неохотно встал и пошел к выходу.

Марк проводил его и сел на диван для пациентов:

«Это не может так продолжаться. Я как сапожник без сапог. Больше всего я хочу избавиться от страха и стыда. Итак, трусливый лев идет к Гудвину! Но Гудвин – это я и есть! Можно сколько угодно обвинять в моем случае всех и каждого, но главная причина по которой, я не могу изменить жизнь – мое бездействие. Вторая причина – мое бездействие, а третья и последняя причина – это, увы, мое бездействие. Мне и самому не повредит то упражнение: Я не могу изменить свою жизнь! – Я не буду менять свою жизнь! Черт возьми! Это мой выбор и только мой. Буду или не буду – решать мне! Или просто стоять и ждать?».

Марк пересел за стол и, открыв папку, принялся записывать итоги последнего сеанса. «Алик – довольно противный тип, – размышлял доктор, – скрытный, эгоистичный и беспомощный. И он еще хочет, найти женщину, которая бы его любила! Он не готов ни в чем и не за кого брать на себя ответственность. Надо же так испортить настроение! Я пытался выбить из него хоть какие-то сведения и если бы не колонна, так бы и не понял, в чем проблема. А эта его манера, всех называть глупцами? Или ввинчивать фразеологизмы в речь. Колонна всыпала ему по первое число, глупец! А ведь чем-то он похож на меня. Как две капли воды».

Марку каким-то образом всегда удавалось думать одно, а записывать совсем другое. Строчки под выделенной красной ручкой датой заполнились аккуратными узкими, частично связанными между собой, угловатыми буквами, выделяющимися из текста ползущими «н» и резкими «б».

Марк вышел на улицу. Пасмурное небо не поднимало настроение, а ветер хоть и прочищал мысли, отсеивая лишние, нагружал голову тяжестью. Чтобы найти позитивные моменты в такую погоду, нужно крепко задуматься.

«Дома тепло и уютно, а пряный запах вечера пробуждает желание выпить горячего имбирного чая из любимой фарфоровой чашки сервиза «Кобальтовая сетка» и растаять в поцелуях и объятиях страстной женщины!» Марку казалось, что несмотря на усталость и опустошение, которые он испытывал обычно после трудного рабочего дня, в его душе играла музыка – скрипучая, рыдающая, но нежная и сказочная. Ритмичная, но медленная. Там-там, тарам тараааарам! «Сегодня придет Соооня! И будет чудная ночь! И получу все-всее я, а то и жить невмочь!» – словно мантру хорошего настроения вполголоса пропел Марк. Настроение заметно улучшалось с каждым шагом! Чем дальше он шел, тем отчетливее становились звуки: Пам паам пам паам пам паааам пам! Теперь Марк понимал, музыка не галлюцинация, она, действительно, звучит. Приятная мелодия лилась из шарманки, ручку которой крутил старичок в коротком сюртуке. В этой музыкальной коробочке было еще много всего спрятано: и детская сказка, и лучшие воспоминания, и нежность маминых рук и отцовская любовь. Люди, чьи сердца мгновенно таяли, щедро бросали в серую фетровую шляпу подаяние. Каждый из них считал, что шарманок на земле больше не существует и радовался, что ошибся.

«... И Золушка забыыыла, что надо уезжать, что скоро уже пооолночь и волшебству конец, – старик мурлыкал слова особым сказочным голосом, который моментально погружал прохожих в детство, в теплую кроватку, в комнату, где папа напевал колыбельные истории, – но бой часов напооомнил все крестной наставленья. И Золушка помчааалась из замка со всех ног. А принц не унывааяа, за нею побежал, но девушка растаааяла, как сон по пробуждению. Лишь туфелька остааалась на лестнице лежать.»

Марк вспомнил отца и единственный вечер, когда тот рассказывал сказку на ночь, другую сказку, гораздо более жизненную и очень печальную. Марк вздохнул и пошел дальше: времени, да и желания слушать шарманщика у него, взрослого человека, не нашлось. Сегодня к нему должна прийти Соня. Нужно успеть приготовиться к последнему рабочему дню недели, сообразить приличный ужин и чуть утихомирить себя.

От ботинка что-то отлетело в сторону. Он пригляделся – пуговица, очень симпатичная пуговица. «Маленький Егорка в петельке удавился!» – Марк засмеялся, вспомнив детскую

загадку. Но тут же нахмурился, словно огретый по голове, испуганный другой, которую даже не стал проговаривать. Марк удивился, что вторая загадка уступила место первой. Он поднял пуговицу и зажал в крупной ладони. Говорят, что именно так появляются настоящие талисманы и амулеты – под звуки шарманки, детские сказки и загадки.

«Принц расспросил привраатников – что видели они, – продолжал старик, – но те, пожав плечааами, ничем не помогли!»

Холодный ветер гнал прохожих с улицы точно так же, как в парке раздувал желтые листья к бордюрам, оградам и ножкам скамеек. Люди спешили в тихие уголки, гнездышки, куда мог просочиться лишь сквознячок и то при условии открытых форточек.

Марк зашел в теплую берлогу. Дома он ощущал себя большим бурым медведем в дремучем лесу. Крупный, тяжелый он заполнил собой зеркало в прихожей, и бросив кучку рекламных листков и бесплатных газет, поставил на калошницу красно-коричневый портфель с бирюзовой отделкой. Отразившись в стеклянной тонированной двери ванной, он заслонил свет, еще проникающий из окна кухни в дом. Рука мелькнула в темном окошке микроволновки и потянулась к хромированному чайнику.

Квартиру Марка можно было бы описать подробно и длинно, восхищаясь изысканным интерьером и дорогой мебелью. Коротко же, стоит отметить лишь следующее – в его доме не было и не могло быть магнитов на холодильнике, наклеек на кафеле или картинок с писающим и купающимся утенком на дверях туалета и ванной. Это было исключено.

Когда запахло имбирем, Марк сидел за столом в надетом после контрастного душа махровом халате и курил. Он, не торопясь, затушил сигарету и отхлебнул чая: «Вот оно счастье! Скорее бы пришла Соня! Я соскучился по женскому телу! А на безрыбье и рак рыба!»

Прочитав листы с записями о всех пациентах, которые придут завтра, и пометив нужные моменты, Марк открыл холодильник и осмотрел содержимое с точки зрения годности и подбора ингредиентов для ужина. Сразу же в мусорное ведро полетел просроченный творог и жаренная дня четыре назад последняя форель. Доктор понюхал куриное филе, лежащее в керамической миске – в ту же секунду ей был вынесен оправдательный вердикт.

«О! Сегодня может получиться отличный ужин. Есть мидии и креветки!» – воскликнул Марк. – «Пожарю яичницу! Хотя думаю, что если я приготовлю паэлью, то и ночь окажется более горячей, и яйца останутся целы. Хороший ужин может сделать из любой женщины страстную львицу. А это то, что мне сегодня нужно!»

Марк достал продукты, которые вполне можно было использовать для приготовления блюда, напоминающего настоящее валенсийское, в общих чертах.

«Филе курицы! Есть. Оставшаяся половинка болгарского перца – пригодится. Луковица – само собой. Ну, а рис всегда есть в моем доме!»

Марк быстро порезал филе, а на оливковом масле уже шипели мидии и креветки.

Когда морепродукты наполнили кухню чудесным ароматом, они уступили место курице и измученному в блендере луку с раздавленным зубчиком чеснока. «Немного чесночка не помешает. Он такой же афродизиак, как креветки или мидии. Хорошо, что для возбуждения желания теперь не нужно измельчать рог носорога или испепелять лоскутки черной кожи, взятого со лба жеребенка! Что только не сделает мужчина ради обладания женским телом! Паприку туда же! И ломтики сладкого перца. М-м-м-м! Это будет чудная ночь!»

«Шафрана нет и не будет в ближайшие часы. обойдемся, скрепя сердце, без него!» Марк залил аппетитное содержимое сковородки водой из чайника и растворил в ней кубик Юлиуса: «Просто не значит плохо!» Рис сорта Байя покрыл ярко желтые палочки болгарского перца и румяные кусочки курицы с золотым луком. «Осталось только вернуть в сковороду креветки и мидии!»

Стрелки часов приближались к заветным цифрам, готовясь занять ровное положение на десяти и двенадцати.

«Сейчас придет уж Соооня! И будет чудная ночь! И получу все-всее я, а то и жить невмочь!» – радостно напевал Марк, накрывая на стол и прожевывая одну мидию.

«Принц расспросил привраатников...», – почему то продолжил он и пошел в прихожую. Вытащив пуговицу из кармана куртки, он рассмотрел ее ближе и потом на свет – красивая, среднего диаметра, напоминающая кольцо с крупной светло-розовой жемчужиной. Явно с одежды женщины, имеющей недурной вкус, утонченной, романтической, скорее всего, доброй и обязательно несчастной.

– Чувствую пробуждается во мне компенсаторная установка, – расправив плечи и потянувшись, сказал Марк. Рука задела плафон, и тот угрожающе закачался. – Я гнию, жалея себя и обвиняя в этом других, а девушка может быть одинокая, беззащитная и печальная. И только я могу стать ее принцем, единственным и неповторимым, если только, наконец, решусь взять ответственность на себя». Марк попробовал себе нарисовать портрет прекрасной незнакомки. У него почти получилось, но тут в дверь позвонили. Марк бережно положил пуговицу в карман халата. «Но девушка растаяла, как сон по пробуждению». Трель соловья, призванная по идее создавать романтику, разрушила все сказочные хрустальные замки – осколки с дребезгом разлетелись по квартире, зацепив и сердце Кая.

– Здравствуй, Северин, дорогой! – Соня перешагнула через порог и, почувствовав аппетитный запах, втянула в себя воздух: Ты ждал меня! По-настоящему ждал! Соскучился?

– Еще бы, Сонечка! Месяц не виделась. Заходи, ужин готов! Паэльо специально для тебя! До девятнадцатого марта, когда традиционно подается это блюдо есть еще куча времени, но я люблю идти впереди планеты всей! Ты же знаешь! Да и боюсь за пять месяцев оно, как минимум, остынет!

– А я такая голодная! – Соня сняла стеганную куртку и аккуратно поставила высокие сапоги рядом с желтыми ботинками сорок пятого размера, привезенными из США, но сделанными в Китае. Сонины обуви по сравнению с «дядистепиной» казалась просто игрушечной. Да и сама Соня была миниатюрной женщиной. Единственное, что могло называться в ее внешности крупным или, по крайней мере, не маленьким – это нос. Марк давно не считал, что нос портит ее. Для него он казался даже особой изюминкой, которая придавала Соне особый шарм. Нос не был длинным, крючковатым или горбатым, и ее фотографии в фас не меняли ситуацию. Он был просто большим. Такой нос можно назвать даже красивым и если бы его обладательница значительно выросла и значительно окрепла, то несомненно никто бы и не подумал обращать на него особое внимание. Марк привык к носу этой женщины, не сразу, постепенно, но теперь, как психотерапевт, обходил его вниманием и часто делал комплименты, касающиеся кукольных глаз, пухленьких губок, стройных ножек или аккуратных грудей Сони. Все поговорки касающиеся носа, которые Марк мог бы легко употребить в общении, сразу же запирались на три замка. К ним относились «не суй свой носик» (эту фразу сдерживать сложнее всего), «не води меня за нос», «весна на носу» и еще про любопытную Варвару, комара и близорукость.

– Давай, мой руки и проходи! Я еще чайник поставлю! Тебе понравится! Голод лучший повар, но это только еды касается!

– Северин! Какой ты все-таки пройдоха! Но знай, я приготовленное тобой блюдо и на сытый желудок за милую душу!

– Сонечка! Какое платье! Ты меня не перестаешь радовать, бусинка моя! Белого вина?

Во время ужина Марк не сводил глаз с декольте молодой женщины. В глубоком разрезе платья то и дело мелькали черные кружева очерчивающие небольшую, но плотную грудь. Соня нахваливала паэльо, открыто флиртвала, сама погружаясь в интимную атмосферу, и не сдерживала чувств. Она, разгорячившись от вина и желания (а может и афродизиаки сделали свое дело), позволяла себе пошлости, которые особо цепляли Марка. Марк не спешил, ожидание нравилось ему:

– Соня, хочешь чаю?

– Хочу, хочу, Северин! Но не чаю! Я тебя хочу! Хочу тебя вместо чая! Давай поторопимся! Я не смогу остаться на ночь, мой мишка! Давай поторопимся! Я сгораю от нетерпения!

Соня приходила к Марку раз или два в месяц. Они обычно проводили бурную ночь и снова прощались до следующего удобного случая. Чаще она оставалась до утра, но иногда Марк провожал ее домой поздним вечером. Ради оправдания мужской силы Марка надо сказать, что Соня – далеко не единственная его женщина. Когда не могла она, приезжала заботливая Тася. Занята Тася – приходила Алина. Если уж Алина надолго уезжала в командировку, то следовало звонить Ане. Однодневные же встречи с приезжими девушками были настолько многочисленны, что даже не брались в расчет. Для отдыхающих барышень это были яркие курортные романы, для Марка – развлечения. Имена этих туристок не запоминались, а сами отношения в большинстве случаев стирались из памяти сразу после закрытия входной двери.

Соня не была самой желанной и привлекательной из всех, но по большому счету это и не так важно. Все женщины доктора знали, что такие отношения не имеют ничего общего с любовью или серьезными намерениями, но тем не менее с удовольствием бывали у Марка и не отказывали себе провести ночь с привлекательным медведем, к тому же умным, умеющим общаться с хрупкой половиной человечества и дарящим ощутимые подарки. Марк умел произвести впечатление, а все недостатки убрать далеко в темную кладовую и закрыть на железный засов.

У Марка было лишь одно строгое табу, ну или почти строгое – его пациентки. Он знал, что допускать привязанность к женщине, пришедшей получить профессиональную помощь, нельзя, просто нельзя и все, и, возможно, именно из-за этого никак не ограничивал себя в общении с другими дамами. Не ограничивал, но чаще у него просто не хватало времени и энергии организовывать маленькие праздники.

Марка хотелось назвать заядлым холостяком, прожив тридцать пять лет он ни разу не женился, но заядлым холостяком он не был. Марк хотел, наконец, создать семью, завести детей и быть верным и любящим супругом. Все же имелись обстоятельства, которые мешали ему позаботиться об этом. Непобежденная фобия и глубокое чувство стыда постоянно внушали Марку, что он не достоин нормальной жизни, что слаб и беспомощен, и он верил в это, откладывая на потом и любовь, и жену и семью. Все терапевтические приемы на нем не срабатывали и даже пройдя сеансы у коллег, он понял только одно – с фобией надо сразиться. «Прежде чем брать ответственность за семью, нужно победить страх, победить себя», – говорил он. Его фобия несомненно мешала ему и в работе, но отказываться от практики он не хотел и, надеясь как можно быстрее решить проблему, принимал пациентов, может и не особо успешно, уже почти десять лет. Он привык плыть по течению, но даже само это выражение вызывало тахикардию.

В спальне играла песня из альбома «Brothers in Arms», заглушающая все другие понятные звуки. Тезка хозяина дома исполнял «Money for Nothing», Попфлер пел, проговаривая слова: «Get your Money for nothing and your chicks for free».

В аквариуме в гостиной бесшумно плавали две рыбки, синодонтисы-перевертыши. Ту, что побольше звали Мора, второй Марк дал имя Мир. Самка Мора, женское начало, олицетворяла смерть, а самец Мир – жизнь. Их покупка – смелый и первый шаг на пути к борьбе с водобоязнью. Рыбки плавали вверх брюхом, но не потому что сдохли, а по каким-то неразгаданным до конца человеком причинам. Ну да, рот у них располагается довольно низко и чтобы брать пищу с поверхности воды, им приходилось переворачиваться. Но за что Бог наказал их таким строением?

Марк обычно вечерами смотрел на Мира и Мору и думал, что вода не так страшна, как кажется на первый взгляд.

Рыбки ждали, когда о них вспомнят и на поверхности водоема появится живой или, по крайней мере, растительный корм, и надеялись, что сегодня не тот разгрузочный день, который им, склонным к ожирению, устраивали один-два раза в неделю.

Марк вернулся из спальни довольный и, бросив почти машинально в аквариум сухих дафний из прикрытой марлей банки, пошел в душ. Рыбки все так же вверх брюхом принялись с благодарностью, как хотелось думать Марку, заглатывать корм. Показалась неодетая еще Соня. Она тоже подошла к аквариуму и постучала по стеклу. «Привет, синодонтисы!» – сказала она и, не дождавшись ответа от занятых ужином рыб, уплыла следом за Марком.

Одевшись, Марк и Соня вышли на улицу. Несмотря на противную погоду, Соня настояла на прогулке пешком – садиться одной в такси она не хотела, а машина Марка стояла в гараже, до которого идти было почти столько же, сколько до ее дома.

Какое-то время они шли молча. Каждый думал о своем. Марк крутил в кармане пуговицу, которую, сам не понимая зачем, взял с собой и мечтал о прекрасной Золушке, как-то очутившейся в крепости, охраняемой большим синим драконом. Соня читала рекламные слоганы и придумывала им антиподы: «Быстро худеем ночью – Долго толстеем днем», «Два купи, один получи в подарок! – Один продай, два отдай!», «Чистота вокруг – наш общий труд! – Грязь внутри – ваша индивидуальная лень!»

Марк с Соней прошли мимо Гринвича. К дракону подъехал рыцарь на осле. Осел завопил: «Иа, иааааа!»

– Соня, ты никогда не встречала человека, который очень похож на тебя? – спросил Марк. – Ну, не в смысле внешнего сходства.

– Северин, что с тобой? Ты жениться собрался? Вторую половину, наконец то, отыскал? Забудешь теперь свою бусинку?

– Нет, Соня, я не об этом. Просто думаю, что есть души с одинаковыми светлыми и темными пятнами. И когда в ком-то видишь себя, становится так противно – просто наизнанку выворачивает. Ты замечаешь в человеке все червоточины, которые есть и в тебе, как не сложно это признавать.

– Пока не видишь себя в зеркале, думаешь, что морщин не существует? Северин, у меня есть морщины?

– Обаятельные, милые морщинки вокруг добрых глаз, когда ты смеешься, и только!

– И все-таки ты пройдоха! Марк Николаевич! Дальше я сама, а то сын может тебя в окно увидеть. Он поздно ложится: когда с дедом остается – сидит за компьютером. Я то вроде как подруге помогаю обои клеить, – Соня приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать Марка. Тот сложился пополам и нежно коснулся ее губ:

– Ну, счастливо тебе и спасибо! Звони, заходи, я буду рад!

2.

Глава 4. Алексей

На стене у кровати висела картина, работа местного живописца, одна из многих изюминок интерьера «творческой конуры». Купил ее Алексей на развале, блошином рынке на Удельной площади, пять лет назад, потому что заметил несоответствие, скорее всего, специально допущенное художником. Тогда он узнал на холсте одно из любимых местечек города – пересечение Садовой и Аптечной улицы, вид со стороны кофейни на Шимякинском проезде. Летний день, все детали вроде бы совпадают, но солнца, где оно изображено на картине, никогда не было и быть не могло. Алексей всегда комментировал редким своим гостям присутствие этого произведения в комнате словами: «Солнце он забыл, но потом вспомнил о нем, и все-

таки пририсовал! Я дал художнику денег на лекарство, улучшающее память. О солнце надо помнить!».

Нет, нельзя сказать, что Алексей не ценил искусство, а видел лишь веселое в картинах – ценил, знал, разбирался лучше многих и ощущал другую скрытую сторону замысла. Он считал, что творческие люди обладают немислимым чувством юмора и умеют смеяться и смешить даже самыми талантливыми произведениями. Малевич ведь изобразил в обществе элегантных господ в цилиндрах джентльмена, который решил облегчиться прямо на глазах дамочек. Разве не провоцировал мастер людей, которые внимательно рассмотрели его работу, пошутить или просто улыбнуться? Так почему же Алексей не мог иногда поискать чего-то веселого в произведениях совсем неизвестных живописцев?

«Солнце он забыл, но потом вспомнил о нем и все-таки пририсовал!».

Эта картина всегда поднимала настроение. Но отнюдь не по той причине, которую Алексей обязательно называл знакомым. Он смотрел на солнце и думал о том, что Земля вдруг сделала нечто особенное, то, чего никто не ожидал! Ведь сколько не разглядывай картину – ни одной неправильной тени не найдешь, и сколько не сравнивай с действительностью, других отличий не отыщешь. Алексей хотел верить – картина написана с натуры.

Послышались первые звучные нотки *La Découverte*: Ян Тьерсен сегодня будил продавца пуговиц и наполнял новый день смыслом. Музыка маленьких, игрушечных детских пианино прервала туманный сон, и Алексей открыл глаза. Он сразу же посмотрел на картину и просял: «Земля смогла!» Пробуждение сегодня наконец оказалось невероятно легким и даже приятным. Алексей, не торопясь, встал и, на всякий случай встряхнув головой, прислушался к собственным ощущениям, но ничего кроме замедляющейся уже композиции не прозвучало – гнусного шепота, надоедливости голоса, преследовавшего его уже несколько дней, не появилось.

Опасаясь разбудить серое трюмо и снова оказаться во власти разрушающих слов, Алексей спешно собирался на пробежку, подготавливал плеер. Бег всегда помогал ему привести мысли в порядок, освободиться от обид или дурного настроения, успокоиться, когда кипишь от злости, в конце концов просто начать утро в хорошем расположении духа. Но последние дни выдались такими трудными, что мысли о пробежке не приходили ему в голову всю прошлую неделю.

До парка, где располагалась удобная трехкилометровая тропа, Алексей обычно шел быстрым шагом, иногда, чтобы разогреть мышцы и окончательно разбудить организм, переходил на спокойный бег. Выйдя из дома, он включил айпод. В плейлисте музыки для тренировок толпились в очереди перемешанные песни из альбомов *Red Hot Chili Peppers*, *Guns N' Roses*, *Aerosmith* и *AC/DC*. Сейчас в наушниках звучала одна из любимых композиций – «*You Could Be Mine*».

Небо было чистое и как будто прозрачное, облака проплывали необычно быстро для безветренной погоды – день обещал выдаться удачным. Солнце медленно поднималось над горизонтом, освещая улицы и выключая фонари. В парке пахло увядающей прелой листвой, влажной землей и ушедшим многослойным летом.

Алексей выбрал в приложении тренировку на время и установил таймер на сорок пять минут – обычная норма для буднего утра – и побежал.

Волосы, собранные в маленький хвостик, выбивались из резинки, не хотели сидеть за ушами: подпрыгивать при каждом шаге и падать на глаза – считалось их главной обязанностью. Алексей не ограничивал кудри спортивной шапочкой или кепкой. Вся голова должна дышать чудным свежим воздухом, наполненным осенним переполохом – суетой птиц, листьев, легкого ветра и чехардой белок, солнечных лучей и ночных дождевых капель, летающих с деревьев.

От кроссовок при беге отбрасывались мелкие камушки гравия, которыми еще ранней весной засыпали дорожку, и тихо отбивали барабанную дробь, приветствуя спортсмена. Но аплодисментов Алексей не слышал, не слышал он и слов песни «*By the way*». Он просто бежал

и почти ни о чем не думал. В этом и виделось главное преимущество тренировок – чувство бегущего по лесу волка, которому нет дела до поиска смысла существования или переживания о безрезультатно проведенных двадцати восьми годах. Есть только сегодня, сейчас – волк живет настоящим, и пока лапы сильные и быстрые, а зубы острые, он хозяин судьбы.

Пробежав девять километров, Алексей перешел на ходьбу. Тут же мужской голос в плечере, последний раз прервав музыку, подвел итоги тренировки.

«Как всегда! – мелькнуло в голове Алексея, и он по привычке озвучил вывод: Постоянный результат – тоже неплохо! Три круга при среднем темпе пять минут километр. Во время уложился!».

Алексей привел дыхание в порядок и спокойным шагом пошел домой. До начала рабочего дня в магазине «Kporf» можно, не торопясь, прийти в творческую конуру, выпить сока, принять душ и собраться без суеты.

Город проснулся и зажил обычной будничной жизнью. На улице появилось много машин. Люди, спешащие на работу, двигались по заданной когда-то привычной до противного траектории. Школьники с портфелями брели на учебу, помахивая сумками со сменной обувью. Беспечный велосипедист проезжал пешеходный переход, оседлав железного коня. Дворники все мели опавшие листья. А листья опали и опали с тихих, замерших в одной позе деревьев.

После пробежки Алексей чувствовал, что полностью пришел в норму и готов снова вершить великие дела. Он шел, а улыбка сама касалась его губ. Стая голубей взметнулась в небо, обдав его ветерком крыльев. Проехали поливомоечные машины.

Он не видел, как из окна дома вылетел клетчатый бумажный самолетик и вместе с пилотом, не справившимся с управлением, волчком угодил прямо в капюшон тренировочной куртки. Алексей вздрогнул и медленно оглянулся. Сердце забило громче и сильнее, дыхание сбилось. Не обнаружив ничего странного, он провел рукой по волосам. Самолетик доверчиво зашуршал. Алексей схватил его и отбросил на дорогу так, будто поймал за шиворотом ядовитого паука или скорпиона. Сердце стучало все громче. Казалось, что даже прохожие на другой стороне улицы слышали каждый удар. Напевающий веселую мелодию парень в желтой куртке даже остановился и тут же превратился в одного из тех зевак, что не могут пройти мимо, когда видят аварию или чрезвычайное происшествие. Такие, как говорят, в замочную скважину смотрят безразличным взглядом.

Самолетик, измятый и покалеченный, лежал на дороге, прямо перед Алексеем, и молил о пощаде. На клетчатой тетрадной бумаге виднелись какие-то слова и вроде даже имелся некоторый рисунок. Поднимая разбившееся о землю оригами, Алексей взглянул на окна многоэтажки, но определить откуда совершался рискованный полет не удалось. Пульс замедлялся, кровь возвращалась от сердца к мозгу, руки и ноги отходили от ватного состояния.

Алексей развернул самолетик. На листке начерчена таблица из двух колонок. Вторая колонка пустая, в первой синей ручкой написано четыре фразы, каждая из которых проникала в самое подсознание Алексея, вызывая теперь не страх – когда знаешь чего боишься, уже не страшно – а злость, агрессию: «Я не могу добиться своего. Я не могу изменить ничтожную судьбу. Я не могу честно поговорить с бывшей женой. Я не могу сделать ничего важного». На полях зло ухмылялась противная морда тролля или беззубого вампира, а может злого гнома.

Разорвав несчастный самолетик в клочья, Алексей помчался домой, натываясь на прохожих и не дожидаясь зеленого сигнала светофора. Вслед ему летели недовольные реплики ворчливых людей, сопровождающиеся протяжными гудками нервных испугавшихся автомобилей.

В творческой конуре, квартире Алексея, насчитывалось две комнаты, но про вторую почти никто не знал. В нее вела «всегда закрытая для посторонних» дверь, а посторонними считались не только соседи, знакомые и коллеги, но и близкие друзья и родственники продавца пуговиц. Секретная комната была гораздо больше жилой и, покрытая таинственностью и загадкой, вечерами прятала хозяина от суеты будней и бытовых неурядиц. Всегда закрытая

для посторонних дверь, конечно, неизменно вызывала вопрос людей, впервые оказавшихся в конуре. Наряду с картиной на стене, старинной шкатулкой, которая переехала жить в кабинет и спряталась там от любопытных глаз и неосторожных рук, и авторскими напольными часами, подаренными другом и соучредителем магазина Егором, она интересовала практически каждого. Алексей объяснял, что эта дверь ведет в лифтерную, что раньше за ней располагалось проходное служебное и одновременно жилое помещение для консьержа, дворников и уборщиц. Но времена изменились, и после продажи квартиры, дверь не стали замуровывать, а просто забили. В лифтерную теперь можно попасть только из соседнего подъезда. И на самом деле, все было почти так, как он говорил, за одним исключением: Алексей купил двухкомнатную квартиру.

Руки не слушались, и ключ никак не хотел открывать замок. Казалось, он специально упрямылся, чтобы позлить хозяина. Ворвавшись в квартиру, Алексей отодвинул ногой высокую драцену в деревянной кадке и резко дернул за ручку двери тайной комнаты. Растение закачалось, но выкинув горсть земли, устояло. Яркий свет люминесцентных ламп не успел озарить темное помещение – Алексей скрылся во мраке. Дверь захлопнулась. Творческая конура снова превратилась в однокомнатную квартиру. Почему только дверные проемы не похищают мысли тогда, когда это нужно? Если бы сейчас Алексей остановился и вдруг подумал: «А что я собственно хотел?», то соседский кот не поцарапал бы грудь хозяйки, перепугавшись нарастающего грохота обрушивающихся скал за стеной, и не заорал, как десяток грудных детей, добивающихся кормления. После разразившегося грома, по всему полу закрытой комнаты разлетались, утраиваясь эхом полупустого помещения и перекатываясь, тысячи, как казалось, гладких камней. Пару нецензурных выкриков завершили пронесшийся смерч, и Алексей вышел из комнаты. Он сполз по закрытой снова двери и стал ниже комнатного растения и тише его длинных листьев. Резинка упала с волос, и светло-карамельные локоны прикрыли лицо.

«Ну, что ты на меня уставилась? – Алексей обратился к драцене, торчащей из горшка. Покрасневшие глаза смотрели сосредоточенно и упрямо. – Все хорошо! Я спокоен и абсолютно нормален! Пора на работу!»

Авторские часы Егора показывали восемьсот пятьдесят три – именно так Алексей всегда называл время. Всякие «без семи» или «почти девять», а уж тем более «без четверти», «половина» и «ровно» его раздражали, так же как название цветов: «красный», «синий», «зеленый». «Это так плоско и деревянно, – говорил он. – Куда приятнее звучат числа с их единицами, десятками, сотнями и тысячами. И насколько точнее сказать «цвет мякоти почти спелой вишни», чем ограничить его безликим и коротким «красным».

Тем не менее, как не называй часы и минуты и не подбирай ярких метафор, красный циферблат часов показывал без семи девять. А это означало – если не хочешь опоздать на работу, то через пятнадцать минут выходи из дома.

Отмыв стакан от мякоти апельсина, развесив мокрые полотенца после душа, Алексей аккуратно и даже нежно подвинул драцену к двери и полил ее из стоящего рядом кувшина. Комнатное растение чуть заметно кивнуло. Землю, высыпавшую из горшка, продавец пуговиц тщательно собрал и вернул на прежнее место. В голове включился поиск плохих примет от стряхивания крошек со стола руками до сбора мусора с пола и просыпания чего-либо, который завершился фразой: «По вашему запросу ничего не найдено». Алексею все же подумалось, что выброшенная горсть земли не сулит ничего хорошего. Она перенесла продавца пуговиц на городское кладбище, где он несколько секунд поприсутствовал на чьих-то похоронах...

Торопливо застегнув на все пуговицы черное пальто, он поехал на работу.

– Опять опаздываешь? Как можно быть таким растыкой? – поприветствовал Алексея Егор, лениво растягивая гласные звуки. Слово «растыка» он узнал совсем недавно от родственника из Саратова и наслаждался его звучанием. – Я здесь минут пятнадцать буду. Потом домой.

Алексей пожал руку Егора. Он совсем забыл, что договорился о встрече с другом, соучредителем магазина. Такое начало разговора передернуло его, но после прикосновения негативный сгусток, собранный за последние дни и подкормленный этой секундой, покинул сознание. Егор же мгновенно оказался в состоянии, которое наблюдается при отравлении, морской болезни, потере крови. Он вяло продолжил:

– Ты знаешь, что ждать хуже всего? Ожидание смерти подобно! Хотя смерть – это не всегда плохо.

– Знаю, знаю! Прости! В последний раз, в последний раз! – Алексей поднял руки и покачал виновато головой. – И, между прочим, смерти подобно промедление, а не ожидание. Это царь персов говорил. Прости! Пойдем обсудим дела незамедлительно, и будешь свободен до следующего месяца!

– Я собираюсь освободиться на более продолжительный срок. Покинуть это душное и сдерживающее все великие порывы помещение! – Егор прищурил глаза и посмотрел на друга пронзительно и пытливо, как будто тот с минуты на минуту должен разгадать главную загадку тысячелетия.

– Егор, ты что выходишь из бизнеса?

– Нет. Это я так. В философском смысле. Не бери в голову, – взгляд быстро изменился на безмятежный и равнодушный. Длинный, вытянутый вверх, как росток ищущий солнца в дремучем лесу, Егор похлопал Алексея по плечу. Манжет полосатого кардигана приподнялся и застрял, крепко обняв руку гораздо выше запястья. Егор не спешил поправлять одежду.

– Как скажешь. Кроме обычных отчетов, у меня есть к тебе предложение! Доброе утро! Ну пока хоть расскажи, как твои дела? Как часы? Сделал что-нибудь интересное? Здравствуйте, Ирина Сергеевна! Есть прогресс? Поделись успехом! Доброе утро! До одной тысячи ста нас не беспокоить! Здравствуйте, – Алексей не успевал отвечать на приветствие персонала.

– Часы. Часы идут и не замедляют хода: тик-так, тик-так! – Егор, увлеченный разговором, лишь кивал продавцам головой. – Последние – из разбитой шарманки – продал за четыре тысячи долларов. Хорошо. Да только какой в этом смысл? Стрелки бегут, накручивая время и пропуская мою жизнь через мясорубку: тик-так, тик-так! Хочется просто перестать заводить отсчитывающие минуты механизмы и выкинуть ключи к чертовой матери! Создать часы, способные замедлить и тем более вовсе остановить ход времени у меня вряд ли получится. Что это еще за «вряд ли»? Все это несбыточные мечты семилетнего мальчика! Ты знаешь, что любые изменения в нас или вокруг нас могут происходить лишь там, где существует категория времени? Изменения связаны именно с временной последовательностью. Я не хотел меняться дошкольником и не хочу меняться сейчас! Кстати, время, вообще, не существует. То, что мы называем временем...

– Да, брось ты! – Алексей не особо хотел говорить о творческих муках и великих свершениях и смыслах существования. Ему самому нужно было суметь как-то победить надоедливую юлу или самолетик, которые преследовали его не первый год в разных образах и звуках. Он даже старался не слушать Егора и со слов «Какой в этом смысл?» пытался думать о работе, сохраняя достигнутое равновесие и опасаясь снова оказаться на грани нервного срыва. Алексей не особо удачно перевел разговор:

– Солнечная погода сегодня и не так холодно. Вот двадцатого с Нюрой на выставке были. Обратный шел – ветер и, можно сказать, морозец. А последние дни...

– Ладно. Я тебя понял. Давай по делу. Что с «ебитдой» в этом месяце?

– Небольшой сезонный скачок. В рамках прогнозируемых показателей, – в кабинете Алексея включился компьютер, зашумел принтер. – Держи отчет по продажам, вот по затратам.

Егор взял пахнущие расплавленным порошком листы и пробежался глазами снизу вверх. Буквы и цифры запрыгали в тумане, пытаясь все-таки привлечь внимание и выдать хоть какую-

нибудь информацию. Егор отложил листки. Буквы успокоились, цифры обиженно заняли места в таблице.

Алексей проверял почту, удобно развалившись в кресле. Кабинет сильно отличался от творческой конуры и даже от самого магазина. Тут не встречалось интересных вещей, притягивающих внимание или призывающих остаться хотя бы ненадолго, если конечно, не считать мягкого уютного, но неприветливо черного офисного кресла на крупных колесах. Да и еще одной безделушки, которая стояла внизу, на книжной полке – бочонок с гномом. Попадая в кабинет, хотелось снова вернуться в магазин, что чаще всего и делал Алексей, и заняться рассматриванием причудливых витрин, практически уникального интерьера и, конечно, богатого пуговичного ассортимента. По поводу того, почему кабинет оказался таким изгоем, даже ходили нешуточные легенды.

Одни говорили, что кабинет находится в зоне повышенной сухости и жесткости, в том смысле этих слов, в котором используют их при описании характера человека. В таких зонах не могут выжить вещи, пробуждающие фантазию, предметы относящиеся к водной стихии и плоды искусства и творчества. Они выбегают сами, погибают или выносятся кем-то почти сразу после новоселья. Эта версия закреплялась несколькими реальными примерами: удивительным исчезновением из кабинета большой закупоренной стеклянной бутылки с традесканцией; подтвержденным письменным свидетельством очевидцев вылетом из окна дырокола, предсказывающего погоду; и, естественно, выносом напольных часов с зловещим красным циферблатом самим директором.

Другие, чаще местные старожилы, рассказывали, что кабинет был когда-то уникальным и захватывающим. Но каждая его деталь приносила неприятность, после чего сжигалась на костре самим Алексеем Павловичем, благодаря чему магазин смог не только устоять под сильнейшим давлением конкуренции, но и прилично развиваться и приносить хороший доход.

Наконец, трети обладали еще кое-какими секретными знаниями, которыми не спешили делиться. Эти сведения передавались перешептыванием и только, прикрыв рот руками, чтобы случайный глухонемой покупатель, умеющий читать по губам, не разболтал на весь мир их тайну. Все же кое-что из этих совершенно секретных поверий просачивалось и фиксировалось в книге жалоб и предложений. Например, фраза «Третий день не могу попасть в кабинет директора, чтобы озвучить претензию по поводу малого ассортимента трехдырочных пуговиц» явно выдавала теорию «похода до кабинета», которая подпитывалась легендой потерявшегося в магазине молодого человека по имени Алик.

– Ясно с отчетами. Листочки, таблички. Ирина сказала, что новые пуговицы дизайнерские пришли. Что там?

– О! Классные такие. Ты бы посмотрел лучше. Пуговицы на прокол у них богатой палитры. Есть, знаешь, цвета скошенной два дня назад травы, снега перед самым заходом солнца. Даже вот представь, цвета старых образцов стекла, которые долго пролежали в земле. Они бы лучше подошли к твоему кардигану, кстати! Я тебе говорил, что одежда твоя всегда с неподходящими пуговицами?

– По-моему, сотню раз. Ладно, я понял. Давай без промедления об этом предложении. Или я могу сразу на все согласиться?

– Да ты послушай! Интересная идея! Мы хотим сделать флеш-моб «Мир без пуговиц»! По городу будут ходить люди в одежде с оторванными пуговицами. В смысле, вообще, без пуговиц! И, конечно, все они будут стекаться к нам в магазин, увлекая зевак. Но это еще не все! В магазине проведем особую акцию – дизайнерский подбор новых пуговиц для старой одежды. Это будет здорово! У нас почти все готово. Что думаешь?

– Хорошо. Делай все, что считаешь нужным. Звучит интересно, но мне уже пора! Сам знаешь, стрелки бегут, а часы ходят!

– Ну, что тут сделаешь, Егор? Доброго дня!

Алексей вышел из кабинета, чтобы проводить друга, и остался до самого вечера в салоне магазина. Перешагнув порог «Кнопф»а, даже покупатели пропадали здесь на несколько часов. Алексею столько раз предлагали брать деньги за вход, но он категорически отказывался, хотя ему здорово льстила музейная перспектива магазина. Дизайн, который создавался годами впечатлял и создавал ощущение путешествия в особую сказочную страну, где хозяева и жители – пуговицы. Приобретение пуговиц в этом магазине напоминало покупку домашнего питомца на Птичьем рынке. «Давай купим этих! Они такие милые, и прямо смотрят на нас! Скажите, а как лучше ухаживать за ними? И будет ли уютно им на этой коффе?»

Алексей любил сам общаться с покупателями и, усевшись на один из стульчиков, скопировавших форму старых деревянных катушек ниток, приветствовать вновь приходящих.

Каждый день он осматривал весь ассортимент в поисках нужной ему по форме и цвету, по фактуре и материалу пуговицы – на это уходила добрая половина рабочего дня.

Сегодня же он занимался другим не менее своеобразным делом – прощупывал пуговицы, постукивая ими, перебирая в руках, перекладывая и пересыпая из одной емкости в другую. Алексей хотел впитать в себя чудодейственное свойство каждой из них, призвать птиц и зверей, как былинный герой Дюк Степанович, чтобы защитить себя от действия и влияния того самого бумажного самолетика. И только после этого он почувствовал, что не обманул драцену, торчашую из деревянной кадки. Теперь продавца пуговиц можно было назвать и спокойным и нормальным, и даже подумать, что у него все хорошо, если не считать последствий разрушений в тайной комнате; горсть земли, сумевшую перенести его на похороны, ну и конечно, предстоящего честного разговора с бывшей женой и такого безразличного отношения Алексея к проблемам и странному поведению близкого друга. Может лучше, вообще, ничего не считать?

Алексей успокоился и чувствовал себя уже не болтающейся на соплях пуговицей, а пуговицей, аккуратно пришитой к дорожному костюму.

Ровно в пять, а лучше сказать, когда на электронных часах образовалось число тысяча семьсот, Алексей собрался домой. Он быстро забрал из кабинета вещи и предупредил продавцов, что его не будет на выходные, честно назвав причину в свойственной ему манере:

– Злая мачеха, вселившаяся в меня с утра, рассыпала не только горох и чечевицу, просо и мак, но и похоже соль с манкой, гречку с рисом и овсянку с пшеном! Я бы даже сказал, что вчера и сегодня, завтра и неделю спустя перемешалось, не взбалтываясь. Скорее всего, Золушке скучать не пришлось. Но я, как джентльмен, не могу так это оставить! Спешу на помощь! В конце концов это мои пуговицы и я должен их разобрать. Надеюсь, бедняжка еще сможет сегодня встретиться с принцем, но я не волшебник, я только учусь. Могу и напортачить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.